



ТАЙНЫ ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ

НАДЕЖДА
КУТЕПОВА

РИПОЛ КЛАССИК

Надежда Кутепова

Тайны закрытых городов

«РИПОЛ Классик»

2021

УДК 908
ББК 26.89

Кутепова Н.

Тайны закрытых городов / Н. Кутепова — «РИПОЛ Классик»,
2021

ISBN 978-5-386-14469-2

Первое объемное научно-популярное исследование закрытых городов России, также известных как ЗАТО. Уроженка «Сороковки», некогда закрытого города «Озерска», Надежда Кутепова совместила в одной книге разрозненные данные о раскиданных по стране частях «атомного щита» СССР. История и современность, факты и воспоминания, бытовая жизнь и большая политика — эти пересечения образуют максимально полную картину того, что происходит за стенами объектов, которые до сих пор живут по другим правилам, нежели все остальное государство. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 908
ББК 26.89

ISBN 978-5-386-14469-2

© Кутепова Н., 2021
© РИПОЛ Классик, 2021

Содержание

От автора	6
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Надежда Кутепова

Тайны закрытых городов

*Моему любимому закрытому городу от его мятежного дитя,
родившегося в секрете и ставшего гражданином мира, посвящается эта
книга...*

© Кутепова Л.Н., 2021

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

От автора

ПОЧЕМУ Я НАПИСАЛА ЭТУ КНИГУ, КОМУ И ПОЧЕМУ Я ЕЕ АДРЕСУЮ. А ТАКЖЕ О ТОМ, О ЧЕМ Я НЕ БУДУ ПИСАТЬ В ЭТОЙ КНИГЕ.

Почему я написала эту книгу?

Потому что в детстве (с одного года и до шестнадцати лет) я очень боялась неправильно ответить на вопрос солдата, когда проходила проверку личности на КПП. Сделал ошибку и тебя могли заподозрить в шпионаже. И тюрьма. Я хочу, чтобы люди не боялись тайны, которая уже тридцать лет не существует.

Когда я была маленькая, я очень хотела знать вот что.

1. Почему наш город, у которого нет собственного имени, охраняют солдаты и почему проверяют наши документы каждый раз, когда мы приезжаем и уезжаем из него. Начать задаваться на вопрос о моем имени или имени моих родителей – это означало попасть под подозрение, что, может быть, я и не та, за кого себя выдаю.

2. Почему мы так хорошо живем в нашем безымянном городе, у нас есть все на полках магазинов – колбаса, конфеты, даже черная икра в буфете местного Дома культуры, одежда, мебель, немецкие куклы в универмаге, а в других городах, которые незакрытые, люди живут плохо, ничего нет, а за молоком очереди с пяти утра. Мне казалось это несправедливым, потому что люди, которые жили в тех, других городах, выглядели так же, как мы, обычные люди...

Строго сдвинув брови, мама отвечала мне: «Потому что наш город особый. А почему он особый – об этом мы вопросов не задаем».

Про самые обычные «необычные» вещи говорить было совершенно нельзя. Зато можно и даже нужно было знать, что наш город интересует шпионов, потому что он секретный.

А почему секретный? Вокруг лес, озера? «Об этом мы вопросов не задаем!» – твердила мама.

Мне казалось странным, что все вокруг знали о существовании нашего города, но сразу делали большие глаза и многозначительно поджимали губы, как только в беседе мы вдруг на него наткнулись.

Кому я адресую эту книгу и почему?

Я адресую свою книгу всем, кто хочет знать и не хочет бояться, то есть любознательным и смелым. А также тем, кто пока еще боится, но хочет победить свой страх перед закрытыми городами. И, конечно, жителям закрытых городов, чтобы они посмотрели на себя со стороны, мы такие же, как все остальные жители России!

Когда мне было семнадцать лет, в 1989 году, город перестал быть секретным. Когда мне исполнилось двадцать два, он получил свое настоящее имя Озерск. Я с нетерпением открывала вновь вышедшие карты того времени и искала свой город. «Мы есть! Мы существуем! – ликовало мое сердце. – Теперь в нашем городе люди могут официально рождаться и умирать!»

Больше всего я была рада тому, что стало можно задавать вопросы, свободно получать ответы на них и не бояться. Каково же было мое удивление, когда я поняла, что город перестал быть секретным фактически только на бумаге. Для большинства жителей нашего города, а также людей с Большой земли (так мы называли всю остальную Россию) вопрос, перестал ли

наш город был секретным, продолжал оставаться загадкой, некоторые даже предпочитали – им так было спокойнее – думать, что он по-прежнему секретный. Забор, колючая проволока, солдаты – все это никуда не исчезло. Изменился вид пропуска, но проходить проверку своей личности все равно нужно. Заявление на въезд родственников обязательно, а отказ всегда очень вероятен.

Я искала, читала, училась и удивлялась! Сначала я долго и терпеливо отвечала на вопросы индивидуально всем, кто мне писал и спрашивал, потом, в качестве юриста, я стала писать все то же самое юридическим языком в исках и жалобах, защищая тех, кто не смог объясниться сам. В 2005 году, войдя в комиссию Росатома, я написала Сергею Кириенко (в то время глава Росатома, сегодня глава Администрации Президента) документ под названием «Конституционно-правовой анализ нарушений прав граждан при осуществлении особого режима ЗАТО», который был принят, и часть моих предложений даже вошла в поправки к законодательству.

В 2010 году я стала советником Уполномоченного по правам человека Челябинской области и начала помогать жителям уже трех закрытых городов, а не только Озерска. В 2011 году я выиграла дело по теме закрытого города в Европейском суде (бывших осужденных жителей ЗАТО после отбывания наказания не пускали в закрытый город). Наконец, в 2012 году, я собрала законодательство всех закрытых атомных городов и издала сборник, который был адресован в первую очередь юристам.

Но несмотря на все мои усилия на юридическом поприще, вопросов об обычной жизни закрытых городов меньше не становилось. Зато становилось больше жалоб на то, что нигде ничего не найти про жизнь жителей закрытого города. А узнать от самих жителей это довольно трудно, потому что они до сих пор не уверены в том, что секретно, а что нет в их собственном городе. Последние двадцать лет я только тем и занимаюсь, что отвечаю на вопросы людей, что такое закрытый город. Институты, журналисты, историки, социологи, обычные люди, связанные судьбой с жителями ЗАТО, да даже судьи – все задают этот вопрос. Жители закрытых городов тоже в числе моих постоянных клиентов.

Так родилась идея книги: рассказать широкой публике, всем, кто хочет знать о том, как мы жили раньше и живем сейчас в наших закрытых городах. Без мифов и домыслов, с упоминанием законов, но доступным языком, понимая также, что именно от меня эта информация будет звучать авторитетно и легитимно. Как юрист, специалист по российскому и международному праву, я понимаю, где именно проходят границы информации о закрытых городах; как житель закрытого города, я знаю, чего мы, жители, боимся уже в нескольких поколениях.

Тайны нужны шпионам, а шпионы – спецслужбам. Есть такой тысячелетиями сложившийся симбиоз. Спецслужбы в РФ ловят шпионов очень эффективно, оставим им заниматься этим делом профессионально, давать советов не будем. Обычным же людям в силу их человеческой природы просто любопытно знать про то, как живут другие люди в других местах, какие в этих местах гласные и негласные правила. В нашем случае – о том, как живут люди в закрытом городе. Вот для этих любознательных людей, которые хотят знать повседневную и несекретную жизнь, я пишу эту книгу. Вся имеющаяся в ней информация не является информацией, содержащей государственную или иную другую тайну, взята из личного опыта автора и законов Российской Федерации.

О том, что если нет тайны и где именно ее нет, об этом знать чрезвычайно важно.

Эта книга о том, как устроена жизнь в закрытых городах, чтобы вы, мой дорогой читатель, перестали бояться, удовлетворили свое любопытство, получили информацию из первых рук.

Теперь о том, о чем я не буду писать в этой книге

Невозможно объять необъятное. Закрытые города создавались благодаря атомным заводам, но выросли в совершенно автономные образования. Я не люблю, когда говорят, что город и завод – это одно и то же. Потому что это не так. Мы из одной семьи, да, у нас даже общий отец (привет товарищу Берии!), но мы все-таки разные, и цели у нас тоже разные. Завод должен заниматься производством, а город должен заботиться о людях и об их развитии, в том числе если они решат не связывать свою жизнь с заводом. Поэтому эта книга посвящена ЗАКРЫТОМУ ГОРОДУ как ГОРОДУ, именно за него я хочу замолвить словечко. Поэтому...

1. В этой книге я не буду писать о закрытых городах Министерства обороны (военных ЗАТО). Они в целом во многом похожи на атомные, но есть и отличия. Во-первых, у них свой управляющий орган и нижестоящее законодательство, и, во-вторых, по своему военному характеру в них гораздо больше тайн, в-третьих, автор книги там не жила и не работала по этой теме, поэтому не может делать выводов. Предоставлю это делать тому будущему автору, кто близок к этой теме.

2. Я не буду касаться вопросов экологии и радиационного загрязнения от деятельности градообразующих предприятий в атомных закрытых городах, пожалуй, только упомяну об этом в нескольких фразах, рассказывая об истории конкретных закрытых городов. Эта тема заслуживает в будущем отдельной книги в связи со своей масштабностью и трагичностью.

3. Я не буду писать подробно (в юридических терминах прав человека), в чем я не согласна с органами власти, буду описывать только то, что видно обычному человеку, а не юристу (это я пишу в докладах, жалобах и исках в суды, предложениях в органы государственной власти, экспертных заключениях и докладах).

4. Я не буду писать отдельно о том, что производят атомные градообразующие предприятия, и не буду производить оценку их деятельности. Подавляющая часть производств на них сейчас несекретна, о чем они успешно и открыто сообщают на своих сайтах и в корпоративной прессе, я дам ссылку на эту информацию.

5. Я не считаю нужным в рамках этой книги излагать свою позицию по поводу необходимости или ее отсутствия в открытии закрытых городов.

Приятного вам погружения в жизнь закрытого города, мои читатели!

Все совпадения в этой книге с реальными персонажами (за исключением тех, которые случились с автором лично в течение ее жизни или ведения юридических дел) являются случайными.

Часть 1

Анатомия закрытого города

Что? Где? Когда? И почему? Раскрываем тайны

Глава 1

Закрытый город и государственная тайна: «Не так страшен черт, как его малюют», или Как сделать так, чтобы ее совсем не найти? Город с изюминкой

КТО ОТ КОГО ПРОИЗОШЕЛ? ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА ОТ ЗАКРЫТОГО ГОРОДА, ИЛИ ГОРОД ОТ ТАЙНЫ? В ЭТОЙ ГЛАВЕ Я ОЧЕНЬ ДЕЛИКАТНО РАССКАЖУ О ТОМ, КАК ЭВОЛЮЦИОНИРОВАЛО ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В ЗАКРЫТОМ ГОРОДЕ, КАКИЕ ЗАКОНЫ И ГДЕ ДЕЙСТВУЮТ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. ВО ВРЕМЯ ПРОЧТЕНИЯ ЭТОЙ ГЛАВЫ МЫ ПОЙМЕМ, ЧТО, НА САМОМ ДЕЛЕ, В ОСНОВНОЙ ЧАСТИ ЗАКРЫТОГО ГОРОДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ ВО ВСЕ НЕТ, ЗА ТЕМИ, КТО РАБОТАЕТ НА ЗАВОДЕ И СВЯЗАН С НЕЙ, ТАЙНО И НЕУСЫПНО СЛЕДЯТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ, А ТАКЖЕ НАУЧИМСЯ ОТДЕЛЯТЬ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ ОТ НЕТАЙНЫ И, НАКОНЕЦ, ПЕРЕСТАНЕМ БОЯТЬСЯ ТЕМЫ.

Одним из самых сложных и загадочных для понимания вопросов в существовании и функционировании закрытого города, ставший почти мистическим, является вопрос государственной тайны. Точнее сказать – вопрос о ее наличии. Или отсутствии. *Ставьте этот вопрос так, как вы предпочитаете.* Именно с него автор и начнет свое повествование. Его понимание является жизненно важным для полного осознания НЕ-тайной природы жизни современных закрытых городов. Собственно, закрытый город и начался с государственной тайны. Сначала была тайна, а потом уже все остальное.

От того, как мы ответим на этот вопрос, кстати говоря, в первую очередь на основании действующего закона, и будет зависеть наше отношение к закрытому городу как нормальному обыкновенному городу. Ну, скажем, городу с изюминкой в виде... государственной тайны. И, как мы убедимся очень скоро, даже не в нем самом, а на закрытом дополнительно, даже от жителей самого закрытого города, атомном градообразующем предприятии. То есть там, куда обычному любознательному человеку обычно совсем не нужно.

Для ответа на этот вопрос, в этой главе книги мы с вами попытаемся присмотреться к государственной тайне. Начнем из исторического далека и экскурса в историю – посмотрим, как она зародилась, как охранялась, эволюционировала, что случилось с ней в годы перестройки и закончим буквой современного закона. С помощью такого путешествия во времени мы убедимся в том, что **там, куда нам нужно, то есть в том, что нам интересно в закрытом городе, в его жилой части, которая не касается территории атомного завода (института) и вопросов охраны, в настоящее время на самом деле никакой государственной тайны просто нет. А бывать там, где она есть, а мы тоже обозначим эти места, нам просто не нужно, потому что мы обычные люди.**

С самого начала вся история атомной военной промышленности и ее плода – закрытого города связана с военной тайной и секретами. Почему военной? Потому что создавали все-сильное оружие, чтобы защищаться и воевать. Почему с секретами? Потому что в ту эпоху мы

говорим «атом» – подразумеваем секрет. Мы говорим «секрет» – подразумеваем атом. Секретами реальными или мнимыми, но будоражащими умы обывателя и возбуждающими творчество писателей до сих пор. Это очень даже понятно, если мы вспомним, что почва для фантазий была самая что ни на есть благоприятная. В реальной истории советской атомной бомбы, для того, чтобы получить чертеж американской бомбы Манхэттенского проекта (а американцы, признаем честно, все-таки изобрели ее раньше), Советскому Союзу¹ пришлось использовать идейных и тайных поклонников советского строя – агентов в США, чтобы его похитить. Разумеется, в исключительно миролюбивых целях Советского Союза.

Украд секрет устройства атомной бомбы и сделав в советской московской лаборатории опытный образец будущего реактора для всесильного оружия, наша сторона желала наладить теперь уже промышленное производство плутония и атомных бомб. Чтобы «сохранить мир» в тот момент всемирной истории, их было нужно довольно много. Однако в СССР мы совсем не хотели, чтобы даже про наши самые мирные планы знали наши противники. В глубине души мы даже догадывались, что США, вероятно, тоже захотят украсть наши секреты, и желали их тщательно охранять. *Из шпионских романов вы, уважаемый читатель, по всей видимости, уже знаете, что в мире государственного шпионажа так и принято – каждый игрок крадет чужие секреты, по очереди друг у друга или одновременно. Как получится.*

В СССР было много секретов. Охраняли в СССР секреты очень бережно и ретиво, поэтому и поручили процесс организации самого секретного промышленного атомного производства самому страшному человеку в СССР – Лаврентию Берии. *Здесь, возможно, стоит объяснить чуть более подробно, кто такой Лаврентия Берия и почему именно ему было поручено хранить все секреты и военные тайны.* Почему? Потому что Лаврентий Берия был в СССР главным начальником по поиску шпионов, он мог найти их даже там, где их никогда не было. Легким движением руки – росчерком пера – этого второго по важности после Сталина гражданина Страны Советов были арестованы, замучены, сосланы и убиты миллионы наших сограждан. И большая часть из них была обвинена именно в... шпионаже в пользу какого-либо одного государства или сразу нескольких. Сегодня хорошо известно, что фабрикация уголовных дел по статье «шпионаж» – это общеустановленный факт, ставший способом расправы с неугодными режиму людьми, и используемый для устрашения общества в целом.

Само имя этого человека приводило людей в ужас и трепет. Поэтому ни у кого не было никаких сомнений в том, что у Лаврентия Берии ни один настоящий шпион ни одного секрета украсть не сможет. Именно процесс промышленного производства плутония для ядерного оружия и стал той самой военной тайной, которая окутала начало строительства первого завода и поселения при нем. И не только первого, но и всех девяти последующих. Здесь также надо сказать, что, увы, и он сам закончил свою жизнь в... камере. «Не рой яму другому, сам в нее попадешь». После смерти Сталина его бывшие соратники соучастники по кровавой борьбе за светлое коммунистическое будущее обвинили его в шпионаже в пользу Великобритании и расстреляли. Он не реабилитирован по этой статье Уголовного кодекса до настоящего (2021 год) времени. Атомщики в шпионаж отца-основателя не верят, почитают его «светлую» память в деле кования щита до сих пор. О том, с каким трепетом, пиететом и обожанием они хранят заложенные им традиции, вы узнаете на страницах этой книги. А в 1945 году Берия в зените своей славы и могущества развивает «атомный проект СССР».

20 августа 1945 года в СССР, в глубокой, разумеется, тайне, создается Первое главное управление (ПГУ, так оно называется в литературе и архивных источниках), которое впоследствии станет Министерством среднего машиностроения СССР, затем Минатомом России и, наконец, государственной корпорацией Росатом. Всего через четыре года, на 29 октября 1949 года, общее количество людей, работавших по всей стране на его предприятиях, насчитывает

¹ Грешиллов А.А. Ядерный щит. – М.: Логос, 2008, с. 110–112.

237 878 человек. Все они обязаны хранить государственный секрет! Представьте себе, какие методы нужно использовать, чтобы такое количество народу молчало! Помимо страха и ужаса быть арестованным и замученным, которые наводит на людей одно имя руководителя секретного проекта, есть и другие, более «приятные» новые способы воздействия на популяцию привлекаемого к проекту народа, и о них вы узнаете чуть позже...

Собственно, в самом начале никакого города на стройке первого атомного объекта и не было. Ни закрытого, ни открытого. И даже не предполагалось. Советское правительство дало физикам тайное поручение найти для строительства производства на территории страны такое неприметное место, в котором, во-первых, жило бы мало людей (малонаселенную местность). Во-вторых, до которого не мог бы долететь самый современный самолет той эпохи (шпион или бомбардировщик, разумеется). И, в-третьих, чтобы там было много пресной воды (озер и рек, которые были необходимы для технологии производства оружейных материалов – охлаждения ядерных реакторов).

Ответственные работники атома предложили три выбранные площадки вблизи Уральских гор. Затем они немного поспорили и наконец определились с выбором. Площадка для первого секретного производства (но не города!), отвечающая всем критериям, была выбрана. (Не)счастливая участь постигла территорию бывшего пионерского лагеря на озере Кызылташ в Кузнецком районе Челябинской области.

Исторически у этих земель было совсем иное, сельскохозяйственное назначение. Кыштым был основан в 1757 году, и почти две сотни лет на территории Кузнецкого района, в который он тогда входил, вели земледелие местные жители. Пахали, сеяли, жали, косили траву, ловили рыбу в многочисленных чистейших озерах. Не могли помыслить о том, что кому-то приглянется это место для стратегических целей. Выбрали место, прямо на карте нарисовали, что именно берут, и... приступили к работе. Никаких разрешений им не требовалось. Да-да, именно так все это и происходило. Вся страна жила по строго утвержденному плану, даже ведомство такое было – Госплан. Но представителям ГУП позволено было все. То есть вообще ВСЕ. Начинать любое дело, любое строительство без утвержденных проектов, без смет. В том числе создавать собственные нормы и правила, которые становились законами на вверенной им территории. От них не требовалось соответствия выпускаемых атомными начальниками законов, инструкций, распоряжений законам СССР. Они были сами себе законом, отныне и вовеки веков.

Местные органы власти и населения были чрезвычайно недовольны изъятием чудесных уральских земель², тем более, что даже по существующим тогда скромным правовым нормам СССР, выделение было не совсем законно. Или совсем незаконно. Юридически завода не существовало (секрет), а существовало только некое строительство под скромным неприметным названием «База». Но поскольку, как вы уже знаете, у атомной организации был карт-бланш на любые виды работ, и оно само себе было и законодателем, и исполнителем, и карателем, подручные товарища Берии быстренько организовали «разъяснительную работу» с органами власти Челябинской области. Последним пришлось извернуться, и популярными в те времена методами («В лагерь, гад, захотел как вредитель?») добились сначала молчаливого согласия – отказа от хозяев земли – а потом бойко передали эти земли несуществующему пока заводу (Базе). В те времена было не принято возражать против приказа ведомства товарища Берии. Возражения назывались в Уголовном кодексе СССР «вредительством» и заканчивались, если не расстрелом, то многолетним тюремным заключением.

Выбор именно этой площадки именно в этом районе Челябинской области тоже неслучаен. Его связывают с именем одного из заместителей Берии товарища Завенягина, избран-

² Кузнецов В.Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность. Часть 1. Советский период. – Екб.: Банк культурной информации, 2015, с. 75–77.

ного в 1937 году депутатом Верховного Совета СССР от Кыштымского избирательного округа. Здесь нужно сказать о том, что на самом деле Кыштымский район это и есть Кузнецкий (переименован во второй 10 января 1945 года). Какие в 1937 году в СССР были выборы, и кто мог стать депутатом в самый страшный год репрессий, а также какие способы он, будучи заместителем Берии, мог использовать для убеждения несогласных с выделением земли, кажется, дополнительно уже объяснять не нужно. Дело было сделано.

Площадка есть, земли выделены, снабжение налажено, строительство закипело. Первыми строителями (валили лес и рыли котлованы) были военные и заключенные трудовых лагерей ГУЛАГа. Их на территории первой площадки было, по разным источникам, десять-одиннадцать человек. И у военных, и тем более у заключенных с сохранением военной тайны было все в полном порядке. Первые по характеру своей работы знали, что такое военная тайна, как ее надо хранить и что бывает, если ее вдруг нечаянно или намеренно выдашь врагу. А вторые уже и так были осуждены и, конечно, никому ничего рассказать не смогли, впрочем, вряд ли бы и захотели, так как подразделения трудовых лагерей ГУЛАГа, в которых они отбывали наказание, относились к тому же самому НКВД, которым руководил упоминаемый ранее Лаврентий Берия, ответственный за ловлю шпионов.

Во вновь зарождающейся индустрии и выбранной для завода площадке военной тайной было В С Е. В буквальном смысле этого слова. Чертежи и схемы, состав вещества, фамилии ученых и работников, номера заводов, выбор места расположения будущего производства и даже названия радиоактивных элементов. Использование открытых названий радиоактивных веществ было зашифровано, использование слов «плутоний» и «уран» было запрещено. Чтобы очень сильно запутать следы, были изданы специальные секретные инструкции, в которой предписывалось, например, следующее. Уран 238 нужно было называть Кремний, Плутоний 239 – Аметил, Полоний – Нилон, Тритий-Триоксан и т. д. То же самое касалось названий технологий. Кран-графитовый реактор называли Конденсационным, цепную реакцию – окислением, а вредные излучения – отходящими газами. Названия ведомств и предприятий постоянно переименовывались³.

Даже современному специалисту, читающему архивные документы, чтобы избежать путаницы в голове и мысли о том, что все это разные площадки, необходимо специально разбираться во всех этих переименованиях. На самом же деле, речь все время идет об одном и том же объекте. Например, если мы видим в документе наименование «Стройуправление МВД СССР № 247» (Юра), мы должны знать, что это ранее было «Стройуправление МВД СССР № 859» (Жора), которое еще ранее раньше был строительным районом № 11 (Гора), ставший затем Базой 10 (Георгий Иванович!). Потом это был Государственный химический комбинат имени Менделеева, затем Химический комбинат «Маяк» и к настоящему времени он стал называться федеральное государственное унитарное предприятие «Производственное объединение „Маяк“» (ФГУП «ПО Маяк»). При этом сами все эти инструкции о засекречивании были, разумеется, тоже «совершенно секретными». В общем секретность получается минимум в шестой степени. Станешь после этого бояться и пугаться всех и всего!

По этим же секретным соображениям государственной безопасности, из зоны радиусом несколько сот километров принудительно выселили всех «неблагонадежных». К таким отнесли всех без исключения граждан, кто имел какую-либо судимость по любой статье уголовного кодекса за все годы советской власти. Выселяли не поодиночке, а целыми семьями.

Потенциальным «злоумышленникам», представляющим, по мнению властей СССР, опасность для атомного проекта, выдавали предписание собрать вещи в двадцать четыре часа, подавали вагоны для скота, грузили людей, включая новорожденных младенцев, и вывозили в чистое поле, например в г. Юрюзань. Без какой-либо компенсации, естественно. Какая еще

³ Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т. – Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000, т. 2, стр. 345–350

может быть компенсация для провинившихся самим фактом своего существования перед системой граждан? Пусть спасибо скажут, что не расстреляли. Берия ведь руководил, могли легко!

В Челябинской области есть известное дело семьи Хорошениных из г. Касли, которая уже в современной России попыталась получить статус репрессированных и компенсацию ущерба. Что из этого вышло? А вышло негусто. Граждане снова оказались во всем не правы перед государством. Суды указали, что, вообще-то, это было выселение за неблагонадежность. Быть признанным неблагонадежным вне времени, то есть не заслуживающим доверия, это совсем никакие не репрессии, а бдительные административные меры. Вот если бы расстреляли или, по крайней мере, арестовали. А тут «всего-навсего» выселили. А если это не репрессии, то о каком статусе жертвы может идти речь? Несправедливость восторжествовала, и это тоже, увы, со временем стало традицией в отношении судеб людей, каким бы то ни было краешком пострадавших от великого атомного проекта.

Тайной было то место, куда везли людей, об этом им не сообщали. *Когда мою бабушку, работавшую в 1947 году на заводе по производству сукна для шинелей в Пензенской области, коммунистическая партия завербовала на строительство будущего атомного завода, все, что она знала и тайком обсуждала с детьми в поезде, было то, что везут их строить «секретный» и почему-то «подземный город». Тот, который нельзя называть.* Даже когда людей привозили на ближайшую железнодорожную станцию, как правило крупный железнодорожный узел с открытым названием, они узнавали об этом только в момент прибытия, прочитав вывеску.

Следующей по очереди тайной было место, куда именно их везли уже с этой станции. *«Везли куда-то в лес, боялись, что в лагерь».* Иногда, их высаживали на мелких полустанках без названия, и они должны были терпеливо ждать встречающего, потому что даже спросить о том месте, куда их везли, означало выдать государственную тайну... Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что – это было про них. Уже по прибытии на секретную точку, тайной было само их пребывание и проживание в это месте. На первой секретной площадке будущего Озерска (того самого указанного выше Кузнецкого-Кыштымского района) первые почти десять лет людям нельзя было сообщать своим родным, куда они попали, и где они находятся. Телефонные переговоры, как и почтовая корреспонденция, были запрещены. Люди как будто исчезли, их родные не знали, где они находились.

По этой же самой причине сохранения сначала военной, а затем государственной тайны, было решено с самого начала не давать населенным пунктам (соцгородкам) при строительных площадках заводов собственных имен, а называть их по имени областного центра с последними цифрами почтового индекса. Так запутывали противника. Отсюда и появился Челябинск-40 (почтовый индекс 454040), затем он сменился на 65 (454065), а также последующие номерные названия городов. Но если мы с вами попытаемся найти конкретные документы советской эпохи по поводу того, что именно являлось секретным, то мы их не найдем, потому что их не существует!

Правильнее будет сказать так. Они очень неконкретные и, конечно, секретные. Да-да, документы о том, что является военной и государственной тайной в СССР, во-первых, не дают конкретных наименований ни предприятий, ни объектов. Они называют это, например, все вместе абстрактно «объектами обороны». Взглянем на открытый сегодня документ, и он, увы, практически один. Секретное Постановление Совета Народных Комиссаров СССР⁴. В этом документе, вслед за перечнем сведений, в каких именно областях знаний они являются секретными, за советским законодателем – СНК – закрепляется право объявлять таковым, что

⁴ «О дополнительном привлечении к участию в работах по использованию внутриатомной энергии научных учреждений, отдельных ученых и других специалистов».

душе не пожелается, то есть неограниченные возможности относить к государственной или военной тайне все, что им заблагорассудится. Вы можете спросить: а как же можно узнать, что составляет государственную тайну, если точно не знаешь, что ею является?

Вот! Именно это и было одним из ноу-хау советских органов по засекречиванию. Если знаешь, что есть гостайна, значит знаешь и что НЕгостайна. А значит, начнешь это обсуждать и еще не дай бог придешь к какому-нибудь выводу. Лучше засекретить все и сразу. Черную кошку и черную комнату. Здесь сразу становится понятно, почему в СССР все так боялись выдать гостайну. Потому что никто не знал ее истинных размеров и пределов ни в пространстве, ни во времени. Детский садик перед вашим домом легко превращался в объект обороны, если был расположен рядом с лабораторией номерного завода.

Во-вторых, сам документ вот с этими абстрактными наименованиями целых отраслей тоже засекречен. В те времена также действует принятое в 30-е годы правило о том, что сам документ о засекречивании, перечисляющий наименование секретных объектов, тоже является секретным! Секретность получается тройная. То, что описано в документе, тайна, сам документ – тайна, где он лежит – тайна, тот, кто все это знает – носитель тайны. Довольно сложная ситуация, при которой никто точно не знает, что есть тайна, и поэтому самый простой выход из этой ситуации – считать ею все, что хоть каким-то образом связано с этим вопросом. Именно поэтому граждане, связанные с проектом, «тем, который нельзя называть», а впрочем, и не связанные с ним тоже, предпочитали считать автоматическим гостайной ВСЕ и молчать.

И все же почти единственный документ, хоть с какими-то наименованиями, который госпожа История любезно позволила нам иметь, существует. Постановление Верховного Совета СССР 1954 года еще больше все запутывает. Под грифом «совершенно секретно» он присваивает нескольким рабочим поселкам (а не соцгородкам, как они сами себя называли) при комбинатах с номерами названия. Эти названия они официально и открыто получают через... сорок лет, когда секретность с индустрии будет снята!

А тогда, в 1954 году ни жители городов, ни даже их руководители (за редким исключением) про переименование поставлены в известность не были. Секретность! Именно от этого до сих пор в головах людей путаница. Одни говорят, я родился в Сороковке, другие – в Челябинске-40, а третьи – в Челябинске-65, а по документам они и вовсе родились на сто двадцать километров южнее своего города... И все это про Озерск! Одни говорят, я родился в КБ-11, другие – в Кремлеве, а третьи – в Арзамасе-36, а это про Саров. Обманчиво кажется, что это каждый раз три разных города, а это всегда один и тот же. Проверьте карты советской эпохи, вы их и найти-то не сможете. Закрытых городов никогда не было на картах СССР. Про них так и говорили «города, которых нет на карте». «Запутали следы» с таким «знаком качества» и знанием дела, что до сих пор возникает масса социологических и юридических вопросов.

Государство выдало органам безопасности карт-бланш на засекречивание, и вскоре в секретном городе секретным стало ВСЕ. Включая, между прочим, факт существования людей! Вы не поверите, но тайной было само рождение людей в рабочем поселке при заводе, который первоначально назывался «соцгородком»! Для того чтобы скрыть истинное месторождение этих людей, в их свидетельствах о рождении ставили... название областного центра. Так, например, люди, которые рождались возле комбината «Маяк» в Челябинской области, в документах значились как рожденные в Челябинске. Та же ситуация была с регистрацией браков и смертей. Почему же так поступали? Потому что боялись и не знали, что может случиться. В случае нечаянного ядерного взрыва и случайного уничтожения всех и вся никто и никогда бы не доказал, что в этом месте было какое-то поселение. Документально людей там как бы не существовало до... 1994 года, когда города получили официальные современные названия, а люди – право на настоящее, а не выдуманное место рождения в документах.

А чтобы запутать врагов еще больше, и не позволить им произвести аналитические расчеты, государство придумало, каким образом подсчитывать людей в закрытых городах. В те

времена, как впрочем и сегодня, любые новые аналитические выводы, сделанные из несекретной информации и касающиеся хотя бы краешком атомной темы, сами по себе становились государственной тайной. Чтобы этого не произошло, на бумаге жителей запреток просто... переселяли в другие регионы, причем не всегда соседние.

Например, из Нижегородской области в Кировскую «переселили» часть населения Сарова, из Пензенской в Самарскую – часть населения Заречного; из Свердловской в Пермскую отправили население Лесного; из Челябинской в Оренбургскую поехало население Трехгорного, а в Новосибирскую – население Снежинска, из Томской в Кемеровскую – часть населения Северска, из Красноярского края в Иркутскую – часть населения Железногорска и, наконец, в Читинскую область переместилось население Зеленогорска.

Статистики⁵ признались в своей бурной тайной деятельности по переброске и маскировке населения закрытых городов во времена СССР, аж в начале 2000-х годов.

В моем свидетельстве о рождении и, как следствие, в паспорте до сих пор написано, что я родилась в г. Челябинске в 1972 году. Челябинск – столица нашего региона, находится в восьмидесяти километрах от моего города. Когда однажды в 2004 году я сделала запрос в архив областного челябинского ЗАГСа, я получила ответ, что мое рождение у них... не зарегистрировано. Тем, кто родился до 1994 года, так и не удалось, к сожалению, пока вернуть истинное место рождения. Суды Челябинской области наотрез отказались вносить название 1954 года. Есть всего один случай в Белгороде, когда женщина через суд внесла в свидетельство рождении 1960 года место рождения Озерск. Думаю, что даже в моем свидетельстве о смерти будет написано: место рождения – Челябинск.

Ну и что такого в этом плохого, зачем вам всем нужно настоящее название, какое значение это имеет? Для рожденных в ЗАТО это имеет очень большое значение с двух точек зрения. Сначала, с психологической и социологической. Место рождения является частью самоидентификации личности человека, оно связано с предками, с корнями, с историей семьи. Между моим местом рождения и местом, где я записана родившейся, всего восемьдесят километров, но это совершенно два разных уклада жизни. Мне все время приходится разъяснять, знаете, у меня написано Челябинск, но на самом деле... И далее я снова и снова должна пересказать практически все то, что написано в этой книге.

Наконец, истинное название места рождения важно с точки зрения юридической. Первые годы работы атомные производства работали без очистных сооружений выбрасываемых газов. Это привело к тому, что те, кто родился в это время, страдают заболеванием щитовидной железы. Однако доказать юридически факт своего рождения, а значит, факт попадания под загрязнения, имея фальшивое место рождения в своих документах, они без суда не могут. А значит, не могут получить возмещение ущерба и оставить своим потомкам, которые, по существующим научным данным, могут страдать от воздействия радиации на геном, юридически достаточных сведений о происхождении облучения. Все это тянется как снежный ком, но до сих пор вопрос не решен. Те, кто родился в большинстве атомных ЗАТО до 1993 года, записаны на чужой им город.

Больше всего на свете в советское время закрытые города боялись шпионов. Безусловно, к этому были реальные предпосылки. Американцы знали, что СССР продолжает разработку ядерного оружия, особенно после первого ядерного взрыва в 1949 году, и хотели знать, где именно, в каком количестве и что конкретно производят. Однако за советское время мы знаем только один официальный случай, когда реальный шпион был пойман. В 1962 году под Свердлов-

⁵ Единственный найденный официальный источник такой практики распределения – отчет ГКС Челябинской области по данным переписей населения 1926–2002 гг., с. 5.

ловском был сбит американский самолет-разведчик, целью которого было сделать аэро съемку района. Из чего мы можем сделать вывод, что американцы, посылая на Урал самолет, уже знали примерное местонахождение секретного атомного завода. Откуда же?

Впоследствии, в 90-е годы, когда архивы ЦРУ были открыты, оказалось, что там довольно мало именно агентской информации. Донесения можно пересчитать по пальцам, и все они звучали примерно так: «где-то под Кыштымом какой-то завод». Негусто по части тайн, если честно признаться. Как-то СССР крал тайны противников гораздо эффективнее. Украденный чертеж атомной бомбы не идет ни в какое сравнение со сбором слухов. А вот с аналитикой и умением вытаскивать информацию из открытых источников, у американцев было гораздо лучше. Чтобы угадать, где располагаются советские атомные заводы, они взяли из советского ведомственного журнала про электроэнергию открытую публикацию о советских электрических сетях на Урале. По мощности и расположению нанесенных на электросхему турбин они вычислили практически достоверно, что, где, какой примерно мощности может находиться. Так и узнали.

Ведомство Берии очень старалось беречь атомные секреты, и страх шпионажа был разлит по атмосфере закрытых городов. Шпионажа боялись не только потому, что свежим в памяти был 1937 год, когда внезапно «шпионом» десяти разведок мира мог оказаться твой сосед. Забывать про Берию, даже после того, как он сам был признан шпионом и расстрелян, было никак нельзя.

Стать невольным шпионом, болтуном не хотели и потому, что очень боялись подвести товарища Сталина и советскую страну в борьбе с Соединенными Штатами Америки. Стратегическое противостояние двух держав, возникшее после Второй мировой войны и перешедшее в «холодную войну» транслировалось всеми способами. От передовиц в «Правде» до политической информации в школе, от «боевых листков» на стендах предприятий до журнала «Крокодил», от газеты «Пионерская правда» до разговоров на кухне. Все в Стране Советов знали, что США – это наш главный враг, который собирается очень скоро, может быть даже завтра, сбросить на нас атомную бомбу.

В закрытых городах это имело особенное значение. Это были они, жители этих городов, на кого товарищ Сталин возложил ответственность за адекватный ответ. Как жители секретного города СССР, мы знали, что в США люди живут исключительно для того, чтобы украсть наши секреты и уничтожить наш драгоценный завод, нашу страну и весь мир заодно. Мы знали (и это как раз было почти единственной правдой), что наш город будет одной из первых целей противника в случае атомной войны. Чтобы не стать соучастником и не разболтать случайно то, что могло дойти до врага, каждому нужно было сохранять бдительность. Военную, а затем государственную тайну в закрытом городе свято хранили все, от мала до велика, и от рождения до смерти. За ее раскрытие, то есть малейшую, даже случайную попытку рассказать или показать что-то кому-то, люди рисковали свободой и даже жизнью. Органы безопасности тщательно следили за досужими разговорами людей и читали всю почту. Несколько показательных судебных процессов, прошедших за закрытыми дверями, подробности которых перешептывались друг другу на ушко, остались в воспоминаниях людей холодным потом трепетного ужаса перед всевидящим оком Министерства государственной безопасности и заставили всех замолчать на годы. «Здесь даже стены имеют уши».

Взрослые делали что-то важное для страны, а дети были обязаны хранить секрет. Правда, даже не зная, в чем же заключался. *Знать про необходимость сохранения тайны были обязаны все, даже маленькие дети. В моем детстве, в 70–80-е годы, примерно лет с двух, я ежегодно ездила навещать свою бабушку в г. Свердловск на летние каникулы. И каждый раз, сколько я себя помню, мои родители проводили мне «инструктаж». Они объясняли мне, что я никогда и ни с кем не должна разговаривать о том, откуда я. Что если кто-то вдруг начнет инте-*

ресоваться такими вещами, то я должна была немедленно прервать разговор и убежать. В противном случае, сообщали мне родители, их арестует и увезет «черный воронок», и я никогда их не увижу. Конечно, я боялась неведомого ужасного автомобиля и никому ничего не рассказывала.

Родители и окружающие учили нас тому, что вокруг ходят шпионы. Моя мама довольно часто напоминала мне об этом фразой: «Болтун – находка для шпиона. Об этом мы вопросов не задаем, потому что кругом шпионы». Я себе представляла, какие они. В моем воображении они были везде, вредные американцы, замаскированные под скромных советских людей, они хотели знать тайну нашего города. Все это чем-то напоминало мне Буратино с его золотым ключиком, который тоже должен быть хранить свою тайну. Я представляла себе шпиона с душой Карабаса Барабаса, хотя думала, что все-таки у того слишком заметная для шпиона внешность. Я помню, как настороженно разглядывала всех незнакомых мне людей, как только выезжала за пределы нашего города, пытаюсь выискивать в них шпионов, явившихся за тайной «золотого ключика», и надеялась быстро и бдительно их обнаружить, как герой фильма «Судьба барабанищика».

Люди, работавшие на секретных атомных заводах, были секретными вдвойне. Многие из них имели реальный доступ к сведениям о производстве плутония, в тот момент исключительно военном. Врачи, работавшие в соцгородке, впоследствии ставшем закрытым городом, тоже были обладателями этой самой военной тайны, ведь они знали о том, как действовали на организм вещества, которые производили на секретном заводе. Врачи наблюдали, лечили, спасали, когда могли, тех, кто подвергался жесточайшему радиационному облучению, болел и умирал от острой или хронической лучевой болезни. Все это было тайной. Людей, которые становились участниками каких-то аварийных ситуаций помимо своей воли, государство обязывало подписать документы о том, что они обязуются никому не рассказывать о том, что с ними произошло. Хранить до конца своей жизни. Не больше и не меньше.

Постепенно, с развитием атомной промышленности и законодательства, мы уходили от понятия «военная тайна» и переходили к понятию «государственная тайна»⁶. Государственная тайна, как и военная ранее, тоже охватывала всю закрытую территорию. Только теперь атомный завод на ней находился теперь уже с внушительно разросшимся и превратившимся в целый и настоящий ГОРОД закрытым городом.

Первые годы на строительстве первых объектов особого разделения на город и завод не было. Самые ценные кадры, те, кто работал на опасном производстве и был уникальным специалистом, жили всего в ста метрах от барака, где делали плутоний. В случае непредвиденной ситуации они должны быстро добежать до объекта⁷. Те, кто занимался строительством и обслуживанием, жили подальше, на территории будущего соцгородка. Официально «городские» не знали о том, что происходит на промплощадке. Впрочем, даже семейные пары, работавшие на одном реакторе, взяли себе за правило никогда не обсуждать друг с другом дома или в кругу друзей «рабочие моменты».

Изначально выбранная граница с внешним миром была довольно условной, люди примерно знали, где она проходит, но забора и колючей проволоки не было. Когда требования секретности возросли, то сначала от внешнего мира огородили всю территорию будущих ЗАТО, а чуть позже решили, что город и завод нужно также отделить друг от друга еще строже. С той поры промплощадка была дополнительно окружена колючей проволокой и стала иметь свой собственный рубеж охраны. «Зона» внутри «зоны». Позже, уже на самой промплощадке, отдельно были огорожены заводы. Каждый завод теперь имел три настоящие границы. Первая

⁶ <https://www.academia.edu/37759799/> (Кузнецов В. Обеспечение режима сохранения государственной тайны на плутониевом комбинате.)

⁷ Воспоминания Исаевой.

– вокруг территории ЗАТО, вторая – вокруг территории промплощадки и, последняя, третья, вокруг конкретного производства. В каждую из зон уже тогда нужен был специальный пропуск. Впоследствии, когда было разрешено покидать и городскую зону, «горожанам» также сделали свои собственные отдельные пропуска.

Даже по внешнему виду пропуска, можно было определить, работает ли человек на атомном производстве, имеет ли он вход в различные секретные зоны или нет, а если имеет, то в какие. Чтобы часовые, осуществляющие охрану, могли точно знать, куда имеет право входить тот, или иной человек, была разработана система шифров. Каждая цифра, буква или значок давали право на вход на определенную территорию. Какую именно – знали только те, кто по долгу службы осуществлял пропуск граждан. Ни работники, ни жители города не знали этих кодировок. Эта система охраны сохраняется, с небольшими изменениями, и до настоящего времени. Ни жители города, ни работники завода не должны знать (в норме), что означают символы на их пропускных документах.

В своем детстве, будучи чрезвычайно любопытной, я играла с пропусками своих родителей. Я брала пропуска моих папы и мамы и сравнивала их между собой. Маленькие, почти невесомые прямоугольнички мышинного цвета, легко помещающиеся на ладони, они имели размер и форму комсомольского билета и были шершавыми и неприятными на ощупь. Изнутри справа была фотография с низким угловым штампиком ЦБП (центральное бюро пропусков), а слева – табличка, наполненная символами. Однажды я поделилась своими наблюдениями с мамой, сказала ей, что у нее и у папы символы различаются и что у папы их больше. «Мама, у папы елочка, а у тебя нет. У него цифры целые, а у тебя зачеркнутые». И, конечно, я спросила, что все это значит. Мама ответила: «Об этом мы вопросов не задаем, вырастешь – узнаешь!», отобрала у меня пропуска и больше никогда не разрешала их брать.

Мы, дети ЗАТО, часто играли «в КПэ» и «Покажи пропуск, проход закрыт! Или Пройди!». В своих детских играх, однако, мы никогда не выходили за пределы допускаемых взрослыми обсуждений. Нам не приходило в голову обсуждать, что делает наш завод. Мы знали, что город секретный, а работаем мы для государства, и именно поэтому оно нас ТАК ценит и любит, подразумевая под этим полки наших магазинов.

На уровне государства вся эта история секретности и государственной тайны в отношении закрытых городов «без границ» продолжалась до 1989 года. С момента выбора первой площадки в Челябинской области в 1945 году и до момента, когда информация впервые была обнародована официально, а СССР тогда уже имело десять атомных заводов и закрытых городов при них, в каждом из которых реализовывался один из этапов создания ядерного оружия (положили яйца в разные корзины на всякий случай), прошло сорок четыре года тайны и молчания. В масштабах жизненных циклов людей это почти два поколения людей, с рождения хранящих государственную тайну. Сама их жизнь и существование были ею.

3 июля 1989 года на заседании Верховного Совета СССР тогдашний министр тяжелого машиностроения Д. В. Рябев, отвечая на вопросы депутата от Челябинской области, внезапно разоткровенничался. И сообщил присутствующим несколько государственных секретов. Рискнем предположить, что такое свободное излияние на народных избранников секретной до сих пор информации было санкционировано сверху. В стране шла перестройка и гласность, в мире ширилось ядерное разоружение. Американцы собрали достаточно «слухов» и уже все про нас знали, секреты были не актуальны.

По всем этим, ставшим уже историческими, причинам разоткровенничавшийся внезапно министр в этот день признался одновременно в четырех вещах. Во-первых, в существовании закрытого города. Во-вторых, в выбросах радиоактивных отходов в реку в этом секретном городе. В-третьих, о взрыве хранилища ядерных отходов в этом закрытом городе. И наконец, в-

четвертых, в загрязнении озера Карачай. Он не назвал имени этого города. Но все ВСЕ поняли, ведь к тому времени это в общем, особенно для жителей области, это был давно уже секрет Полишинеля, то есть тот, о котором все давно знали, но боялись говорить. Этот момент стал поворотным в истории закрытых городов. Отныне они стали несекретными только по факту обнаружения министром информации об одном из них...

Впрочем, сама форма раскрытия и преподнесения информации не была особенно удачной. Потому что дальше был некий переходный период в общественном сознании, в течение которого все от мала до велика, от самого-самого низшего до самого высшего звена испытывали ужасные сомнения. Это секретно или нет? Что можно говорить, а о чем нельзя? Те же самые муки испытывали жители закрытых городов, запуганные с рождения. О том, «о чем нельзя никому говорить», говорили все. Ситуация усугублялась тем, что никаких нормативных актов не было. Закрытые города продолжали существовать в режиме сложившейся системы, однако для них это было очень сложно.

Это было чем-то похоже на повесу-переростка, который привык к тому, что его во всем обеспечивали родители. Всегда, всем и самым лучшим. Внезапно «родители» заявили ему: давай-ка, дорогой, попробуй жить сам. Но дорогой оказался не готов. Все, что умели делать закрытые города – это втайне создавать атомное оружие в обмен на то, что их хорошо кормили и одевали – внезапно стало неактуальным. Важным стало участие в экономической жизни страны. А для экономической жизни страны они ничего, увы, пока предложить не могли. Они не только не создавали никакой прибыли, они еще и требовали для себя исключительные условия, потому что привыкли к чувству собственной значимости.

Закрытые города привыкли к прямому московскому подчинению. Области, в которых они находились, и руководство этих областей мало значили для них. В советские годы к областному начальству обращались с тем, чтобы получить от них заранее согласованный из Москвы документ. В области вопросов не задавали, все понимали, безропотно подчинялись, передавая земли, людей, выписывая нужные постановления. В переходный период возникли сложности и здесь.

Областное начальство больше не желало быть пешкой в чужой игре. Областной народ начал задавать вопросы и требовать отчета. Москва пребывала в растерянности. Закрытые города же, со своей стороны, недоумевали и требовали свое прежнее, невиданное соседями исключительное финансирование. Денег на них уже было мало или не было совсем. Вопрос перевода закрытых городов в правовое поле новой России в первую очередь для того, чтобы они стали экономически устойчивыми и независимыми, стал очень острым. В воздухе висел немой приказ к ЗАТО; если вы действительно такие умные, как вы утверждаете, попытайтесь немного заработать сами.

Эту позицию страны в переходный период по отношению к закрытым городам мы находим в Постановлении Совета Республики Верховного Совета РСФСР от 19 октября 1990 года «О городах и территориях РСФСР, находящихся в условиях особого режима». В нем написано, что «действующие ограничения становятся серьезной преградой на пути развития рыночной экономики, препятствуют поиску источников пополнения местного бюджета, не позволяют использовать полезный потенциал международных контактов в гуманитарной и научно-технической сферах, развивать прямые внешнеэкономические связи».

Переведем это в слова простого русского языка. Государство сказал: «Послушайте, теперь вы ведь такие же, как все. Видите, чтобы вам хоть как-то помочь, мы открыто о вас говорим и пишем. Мы признаем, что вы имеете такие же права, как все остальные. Так что берите и пользуйтесь. Давайте двигайтесь вперед и развивайтесь сами. Больше содержать вас не можем». В общем, Постановление – это был такой скорее декларативный документ, который юридически признавал закрытые города как существующие и несекретные и мягко намекал, что со своим потенциалом в перечисленных сферах они могут многого достигнуть. Вместе с

тем он был очень расплывчатым и неконкретным, носил скорее политический характер. В это время в стране все еще нет ни одного другого государственного документа, говорящего нам, о каких именно населенных пунктах идет речь и что есть ЗАТО.

Чуть позже Комитет по земельной реформе и земельным ресурсам при Правительстве Российской Федерации, 22 сентября 1992 года, готовит Приказ № 56 «О закрытом административно-территориальном образовании». Документ официально опубликован не был – сообщает нам справочная информационная система «Консультант Плюс». В нем ЗАТО получали статус закрытого города... областного подчинения. Для закрытых городов это фактически революция! Они больше не московские, их отдали на откуп областям! Когда это было видано, чтобы какие-то области решали то, что им делать, а что нет?! Это было публичным унижением для тех, кто привык жить на широкую ногу и командовать сам окружающими людьми и территориями.

Если мы пересмотрим видеорепортажи и публикации конца 80-х – начала 90-х, то увидим, что большинство из них посвящено экологическим последствиям деятельности градообразующих предприятий закрытых городов. Больше нет никаких тайн! Все скелеты из шкафов вытащены и поставлены в ряд, с них требуется отчет. Тон руководителей закрытого города становится оправдательно извиняющийся. С потерей статуса городов государственной тайны они стремительно теряют влияние. По этой причине денег на них больше тратить никто не хочет.

Государство в начале 90-х не замечает, что теряет контроль. И не столько над государственной тайной, ее по-прежнему тщательно охраняет госбезопасность, сколько над атомными производствами в них. С другой стороны, с государственной тайной постоянно возникают недоразумения. Вчера было секретным все, а сегодня секретность снята. А с чего она снята? Со всего в целом или с чего-то конкретного? А если секретность снята, и они не делают ничего особенного, а, наоборот, создают проблемы, за что им платить? Атомщики в прострации, а новое государство не понимает в тот момент, что с отсутствием оплаты труда на атомном производстве шутки плохи. Снимая секретность с города и частично с производства, безусловно, нельзя было позволить атомщикам одновременно уходить с государственного контроля и не платить им заработную плату.

Закрытые города отвечают на сумятицу времени невиданным делом, здесь начинается рост мелкой преступности на атомном производстве. Крадут все и везде – каждый год с трибуны очередной профсоюзной конференции директора грустно взывают к работникам с просьбой остановиться и не тащить домой все, что плохо лежит, потому что это может плохо кончиться. Кражи происходят не потому, что город и завод перестали после заявления министра быть секретным. Крадут все это не какие-то внешние враги и шпионы, а крадут собственные работники. Крадут, чтобы продать, потому что у них элементарно нет денег. Однако вслед за рядовыми работниками оживляются злоумышленники и более крупного калибра. По всему миру начинают возникать инциденты, связанные с утечкой радиоактивных материалов. Косые взгляды падают на атомные города.

В этот момент, в начале 90-х, запретки находятся между молотом и наковальной истории. С одной стороны, они пока больше ничего не умеют, кроме как выпускать ядерный продукт военного назначения, который, увы, государство покупать больше не может и не хочет. А с другой стороны, кроме откровенного заявления министра, которое к делу не пришьешь, у них нет ни одного государственного документа. На их глазах двухслойная повязка из секретности и неизвестности. Если ничего не делать – умрешь с голоду, а если сделаешь что-то не то – пойдешь по статье за раскрытие гостайны. «Что им можно, что нельзя, секретные они или нет, а если секретные, то в какой части?» – эти мысли мучают руководителей ЗАТО и атомщиков в ту эпоху. Государство бросило их на произвол судьбы, приказало выплывать, как и все остальные, но делают они это фактически с «закрытыми глазами», совершенно не понимая, кто они такие, что им можно и что нельзя.

Государству понадобилось еще четыре года, чтобы определиться с их судьбой, чтобы закрытые города окончательно и бесповоротно стали юридически несекретными, видимыми для общества, вошли полноправно в стройную правовую систему нового российского государства и заняли свое достойное и законное место. В 1993 году – ура! – наступает новая вежа! В недрах государства рождается жизненно важное для всех жителей ЗАТО распоряжение. Закрытые города признают открытыми географическими объектами. Им присваивают – о чудо! – настоящие имена! Помните? Те, которые секретно дали в 1954 году! Их наносят на карту! Жители могут теперь официально именоваться жителями закрытого города, они могут иметь свое настоящее место рождения, брака, смерти! Их жизнь больше не государственная тайна, и они имеют право на открытое физическое и документальное существование. Жизнь под грифом «совершенно секретно» окончена.

Следующий этап придания государственным секретам формы и содержания наступает в 1993 году. Выходит закон «*О государственной тайне*», устанавливающий критерии для государственной тайны и позволяющий всем окончательно убедиться, что все, что не связано с военным атомным производством, не является секретным. Закон призван помочь атомным предприятиям определиться с теми местами на них, где государственная тайна все-таки есть, а также создать механизм получения доступа к государственной тайне для тех, кому придется иметь с ней дело. Самые важные пункты. Первый – государственная тайна может быть известна человеку только в связи с работой. Второй – человек соглашается добровольно работать с тайной. Третье – человек получает специальную доплату за то, что обязуется хранить тайну, и в связи с этим соглашается на ограничение своих прав; каких – поговорим об этом позже. Главная ценность закона для ЗАТО – четкость критериев отнесения информации к гостайне. И по этим критериям на жилой территории ЗАТО никакой тайны больше нет. Отметим отдельно, что принят он ДО закона о ЗАТО. В нашем контексте это чрезвычайно важно и означает, что те, кто создавал после закон «О ЗАТО», в момент своей законотворческой деятельности по его написанию уже были в курсе того, что такое гостайна в Российской Федерации и что в жилой части закрытого города никаких государственных секретов нет и быть не может. Почему это было важно? Потому что, имея секреты на обычной территории, город не сможет развиваться экономически и просто умрет.

В 1994 году статус закрытых городов наконец приобретает видимые современные очертания. Выходит закон «*О закрытом административном территориальном образовании*». Это путевка в жизнь. Для удобства чтения будем его в книге в дальнейшем коротко называть «О ЗАТО». В нем ни слова о содержании государственной тайны. Вместе с тем закон вводит само понятие «ЗАТО», описывает порядок его создания и ликвидации, устанавливает специальные правила, получающие наименование «особого режима» и наделяет местные органы власти полномочиями по его обеспечению.

Последнее постановление Правительства на нашу тему выходит в 2001 году и называется «*Об утверждении перечня закрытых административно-территориальных образований и расположенных на их территориях населенных пунктов*». Он заменяет собой в правовом поле страны распоряжение 1993 года. В нем вы можете найти полный перечень существующих в настоящем времени закрытых городов. Правда, увы, в нем не отмечена ведомственная принадлежность городов, что зачастую создает легкий хаос для непосвященного в тонкости читающего гражданина, но будем надеяться, что однажды светлые головы исправят этот недостаток.

Наконец, в середине 2000-х годов, в ходе административной реформы, в состав традиционных территорий ЗАТО вводят соседние к ним деревни, расположенные вне колючей проволоки. Это обусловлено тем, что фактически жители этих населенных пунктов расположены гораздо ближе к ЗАТО, чем к центру района, к которому они относились исторически, и часто связаны с ними хозяйственными и культурными видами экономической жизни. Эти вновь

добавленные территории становятся дополнительной контролируемой зоной (поговорим о старых и новых зонах ЗАТО, а также их схожестях и отличиях в последующих главах).

На этом развитие законодательства о закрытых городах, в целом, завершено. В последующие годы в него будут вноситься незначительные изменения, но ничего больше принципиально не поменяется. На сегодняшний день закон «О ЗАТО» является фундаментом правовой системы закрытых городов в России. Ничего о государственной тайне, кроме единственного упоминания в контексте необходимости ее сохранения на имеющемся предприятии, в связи с которым и было создано ЗАТО, в нем нет.

Заканчивая эту основополагающую главу, чтобы сразу вот прямо больше ничего не бояться в этой теме и быть уверенным, что государственная тайна в закрытом городе – это не что-то абстрактное, не имеющее границ, расплывчатое по своим формам образование, предлагаю моему уважаемому читателю все-таки заглянуть в первоисточник. Для этого откроем закон Российской Федерации, самую свежайшую его редакцию, и воочию убедимся в том, что жизнь закрытых городов не является государственной тайной в РФ. Автор заранее извиняется за то, что ему необходимо использовать текст закона, но обещает пояснять каждое непонятное слово.

Этот сложный, написанный «птичьим» юридическим языком документ официально называется **Закон РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1.**

Рассматривать статью за статьей и глубоко в закон мы погружаться не будем, а вытащим из него самое ценное и необходимое для нас. Первое, что же такое государственная тайна.

Для начала нас интересует статья 2. Это статья содержит **Основные понятия, используемые в настоящем Законе.** В ней написано, что такое:

1) **государственная тайна** – защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации (то есть какая-то информация из указанных разделов, и это явно не про обычную жизнь обычных людей в атомном ЗАТО);

2) **носители сведений, составляющих государственную тайну**, – материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов (то есть документы физические или виртуальные);

3) **система защиты государственной тайны** – совокупность органов защиты государственной тайны, используемых ими средств и методов защиты сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, а также мероприятий, проводимых в этих целях (то есть ФСБ и организация ими всего процесса);

4) **допуск к государственной тайне** – процедура оформления права граждан на доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, а предприятий, учреждений и организаций – на проведение работ с использованием таких сведений (то есть подписание документов (договора) о добровольном получении доступа и дополнительной оплате за это);

5) **доступ к сведениям, составляющим государственную тайну**, – санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного лица со сведениями, составляющими государственную тайну (то есть оформление в письменном виде с подписью начальника документа о доступе к конкретной информации);

6) **гриф секретности** – реквизиты, свидетельствующие о степени секретности сведений, содержащихся в их носителе, проставляемые на самом носителе и (или) в сопроводительной документации на него; (то есть пометка на документе, которую увидят только те, у кого есть допуск и доступ);

7) **средства защиты информации** – технические, криптографические, программные и другие средства, предназначенные для защиты сведений, составляющих государственную тайну, средства, в которых они реализованы, а также средства контроля эффективности защиты информации (это просто способы сокрытия любой информации).

Далее мы посмотрим, о каких же именно сведениях идет речь, и есть ли что-то в этих сведениях, что запрещает нам говорить, узнавать о закрытых городах, их жизни и устройстве.

Перечень сведений, составляющих государственную тайну, – совокупность категорий сведений, в соответствии с которыми сведения относятся к государственной тайне и засекречиваются на основаниях и в порядке, установленных федеральным законодательством (то есть, если какие то сведения содержат государственную тайну, их специально засекречивают (или рассекречивают, если ни были секретны в СССР) и не просто так, как хочется, а в особом порядке, то есть путем оформления специального документа).

Затем нас интересует статья 5, которая перечисляет, какие именно сведения относятся к категории государственной тайны в РФ. Взглянем коротко на перечень.

Государственную тайну составляют: 1) сведения в военной области; 2) сведения в области экономики, науки и техники; 3) сведения в области внешней политики и экономики;

4) сведения в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, а также в области противодействия терроризму и в области обеспечения безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты. На первый взгляд кажется, что это совсем и вовсе не про нашу тему. Но когда что-то кажется, необходимо обязательно бросить второй взгляд и посмотреть подробнее. Теперь наша задача попытаться отыскать в этом перечне что-то связанное хотя бы с атомной промышленностью, раз уж мы не находим в нем закрытых городов... Собственно, здесь речь идет об атомных производствах. Пункты 3 и 4 отвергаем сразу, потому что данные виды сведения охраняются в целом на территории РФ и никакой особенности по отношению к ЗАТО не предусматривают.

Рассматриваем пункт 2 «Сведения в области экономики, науки и техники». Есть в ЗАТО наука? В двух! Есть в ЗАТО техника? В восьми!

Но в этом пункте тоже нет ничего о закрытом городе. Как мы знаем из популярных книг про создание атомного оружия, на любых атомных предприятиях любой страны, конечно, могут быть сведения *«об объемах, о планах (заданиях) государственного оборонного заказа, о выпуске и поставках (в денежном или натуральном выражении) вооружения, военной техники и другой оборонной продукции, о наличии и наращивании мощностей по их выпуску, о связях предприятий по кооперации, о разработчиках или об изготовителях указанных вооружения, военной техники и другой оборонной продукции или о достижениях науки и техники, о научно-исследовательских, об опытно-конструкторских, о проектных работах и технологиях, имеющих важное оборонное или экономическое значение, влияющих на безопасность государства».*

Остается нам еще пункт 1 «Сведения в военной области».

Точно мы этого не знаем, но, по крайней мере, можем себе позволить предположить, что (по общедоступной, конечно, информации) у России имеется ядерное оружие, имеющее военное назначение. Произнося это, главное, не выдать какую-нибудь очередную гостайну, поэтому я и пишу в сослагательном наклонении эту фразу. И может быть, по причине того, что атомное оружие и Росатом являются однокоренными словами, то на атомных предприятиях в каких-то ЗАТО, возможно, могут быть сведения, названные в законе как сведения *«о разработке, технологии, производстве, об объемах производства, о хранении, об утилизации ядерных боеприпасов, их составных частей, делящихся ядерных материалов, используемых в ядерных боеприпасах, о технических средствах и (или) методах защиты ядерных боеприпасов от несанкционированного применения, а также о ядерных энергетических и специальных физических установках оборонного значения».* Хорошая новость состоит в том, что этих сведений точно нет в тех частях ЗАТО, где живут люди!

Из всего вышепрочитанного делаем следующий вывод. Никакой государственной тайны в закрытом городе, кроме как на атомном производстве, НЕТ. То есть даже жители закрытых городов, к коим относится в том числе автор, если они не работают на предприятии, вообще понятия не имеют, имеются ли такие сведения на предприятии или нет, потому что ничего, кроме своей обычной жизни, их не интересует. Что же касается работников атомной индустрии в целом (а они есть везде, а не только в закрытых городах, включая столицу Москву и Санкт Петербург), которые, являются «носителями сведений, составляющих государственную тайну», то в лицо их никто и нигде не знает. Ни в открытых городах, ни в закрытых. Они не ходят по улицам со значком «Носитель тайны» и не афишируют свою принадлежность к лику «посвященных просвещенных», а тихо работают себе со своей тайной, получают за ее хранение деньги, а потому свято и бережно хранят ее для государственных целей. И, кстати, это довольно приличная прибавка к заработной плате. Этим самым «носителям», в свою очередь, самозабвенно и успешно охраняют, тщательно бдят за каждым, включая его личную, семейную, финансовую и иную жизнь местные отделы ФСБ, регулярно отчитывающиеся по иерархии о проделанной в данном направлении работе.

Когда автор этой книги познакомилась со своим вторым мужем, который в тот момент работал инженером управления ядерным реактором, а значит, в связи с этим являлся носителем сведений, составляющих государственную тайну, его немедленно вызвал личный куратор местного ФСБ и провел с ним беседу на предмет следующего. А именно того, каким образом нужно общаться с женщинами, чтобы не выдать ни одной тайны. Особенно если, о несчастье, случилось так, что эта женщина не чурается деловых и профессиональных контактов с иностранцами, а ты в нее влюблен. Получив от него клятву, что никакая любовь к женщине не может быть сильнее любви к Родине и преданности ее тайнам, куратор остался доволен и успокоился, что, вероятнее всего, отразил в соответствующем отчете. Раз есть куратор, значит есть досье, а поскольку есть досье на носителя, значит должны быть и отчеты. За таким сотрудником, между прочим, о котором есть что написать в отчете, следить всегда гораздо приятнее, потому что это может привести к повышению по службе. Мой будущий муж немедленно доложил мне о встрече с куратором (его наличие – не тайна), и мы вместе с ним радовались такой бдительности нашего государства на атомном производстве.

Закончим же мы нашу главу про гостайну рассмотрением статьи 7 того же закона. Она нам очень интересна, и ее должен знать каждый. Называется она **«Сведения, не подлежащие отнесению к государственной тайне и засекречиванию»**. Чтобы ничего не упустить, процитируем ее также дословно:

«Не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию сведения:

– о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности и здоровью граждан, и их последствиях, а также о стихийных бедствиях, их официальных прогнозах и последствиях;

– о состоянии экологии, здравоохранения, санитарии, демографии, образования, культуры, сельского хозяйства, а также о состоянии преступности;

– о привилегиях, компенсациях и социальных гарантиях, предоставляемых государством гражданам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям и организациям;

– о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина;

– о размерах золотого запаса и государственных валютных резервах Российской Федерации;

– о состоянии здоровья высших должностных лиц Российской Федерации;

– о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами.

Должностные лица, принявшие решения о засекречивании перечисленных сведений либо о включении их в этих целях в носители сведений, составляющих государственную тайну, несут уголовную, административную или дисциплинарную ответственность в зависимости от причиненного обществу, государству и гражданам материального и морального ущерба. Гражданин вправе обжаловать такие решения в суд».

Из этой очень важной в отношении закрытых городов статьи, в которой косвенно отражены или даже названы открыто многие проблемы атомных предприятий в ЗАТО, мы видим, что перечисленные вопросы не только не являются секретными, а даже НЕ могут ими являться, раз. И что еще более вдохновляет, что те, кто решил бы их засекретить, будут отвечать перед законом.

Если вы, мой уважаемый читатель, смогли до конца дочитать эту сложную главу, автор вас поздравляет. Мы вышли из дебрей сказочного леса государственной тайны на свежий воздух закрытого города и теперь можем вздохнуть спокойно. Никакой государственной тайны мы так и не узнали. Все вышеперечисленное было сказано автором исключительно для того, чтобы уважаемый читатель собственными глазами убедился и уверился: ни один из сюжетов жизни закрытого города, который будет отражен в этой книге не входит в перечень сведений, отнесенных к гостайне. Ни само существование ЗАТО, ни то, что происходит на его жилой части. А запретная зона, где подавляющее большинство жителей самого закрытого города никогда не было, будет упомянута в этой книге в разделе «история» и ссылками на сайт градообразующих предприятий в конце книги. И если уже даже Министерство экономического развития, которое конечно же все понимает про гостайну, не боится мечтать открыть закрытые города, то уж нам, обыкновенным любознательным читателям, желающим знать про их обычную жизнь, бояться совсем нечего. На этом про государственную тайну в закрытом городе, пожалуй, все.

Краткий вывод главы 1

Исторически возникновение закрытых городов связано с военной, а затем государственной тайной. Руководство проектом осуществлялось МВД СССР и правой рукой Сталина Лаврентием Берией. Правовые пределы гостайны в СССР были не ограничены, а полномочия руководящих органов позволяли сделать гостайной любую информацию. Все, что было связано с созданием, развитием городов, любым видом жизнедеятельности людей, включая любые названия, факты рождения и смерти, было секретно до 1989 года. Распространение любой информации о секретных городах приравнивалось к шпионажу и государственной измене. С 1993 года в Российской Федерации создана правовая база для функционирования закрытых городов, которые коротко называются ЗАТО. На территории закрытого города, там, где ведут свою обычную жизнедеятельность люди, сведений, составляющих государственную тайну, нет. Она может быть (но не обязательно) на территории атомной промышленной зоны ЗАТО. Фотографии и видеосъемка, произведенные на жилой части ЗАТО, не являются сведениями, содержащими государственную тайну, и могут свободно производиться и распространяться любым российским или иностранным гражданином. Исключением является периметр охраны ЗАТО (забор) с колючей проволокой, КПП и военнослужащие – они могут относиться к сведениям, составляющим гостайну.

Глава 2

Когда и откуда взялись закрытые города, кто и как их строил? А также о том, где проходят «секретные границы», на какие части делится территория, как их различить на местности тому, кто не в курсе?

В ЭТОЙ ГЛАВЕ Я РАССКАЖУ ЧИТАТЕЛЮ КРАТКУЮ ОБОБЩЕННУЮ ИСТОРИЮ СОЗДАНИЯ ГОРОДОВ (А НЕ ЗАВОДОВ!), ИХ ЭВОЛЮЦИЮ В КАЧЕСТВЕ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ К НАСТОЯЩЕМУ ВРЕМЕНИ, А ТАКЖЕ ОБЪЯСНЮ НЕПОСВЯЩЕННЫМ ВНУТРЕННЕЕ СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ДЕЛЕНИЕ НА «ЗОНЫ», КОТОРОГО БОЛЬШЕ НЕТ НИГДЕ В РОССИИ, КРОМЕ ЗАТО. ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ ЭТОЙ ГЛАВЫ МЫ НАУЧИМСЯ РАЗЛИЧАТЬ, КАК ОПРЕДЕЛИТЬ В КАКОЙ ЧАСТИ ЗАТО ТЫ НАХОДИШЬСЯ, И БУДЕМ ЗНАТЬ, КАКИЕ ТАМ ДЕЙСТВУЮТ ГЛАСНЫЕ И НЕГЛАСНЫЕ ПРАВИЛА.

После прочтения первой главы может сложиться впечатление, что у закрытых городов нет иной истории, кроме как история создания атомной бомбы и эволюция государственной тайны. Однако это не так. Атомные города и атомные предприятия (заводы, институты) для автора этой книги это совершенно два разных создания. Первое создано и существует для жизни людей, причем для всех, кто там живет. Второе призвано обеспечить работой большую часть людей из первой. Но не всех. Именно поэтому есть необходимость выделить отдельно хронологию создания городов как поселений. Как мест, которые кем-то и как-то планировались, строились, росли и развивались. Мест, где не только ковали ядерный щит, но и жили, любили, создавали семьи, рождались и умирали, творили, наконец, люди. Ведь именно город окружал их все то остальное время, в которое они не делали атомное оружие. Рассказать об этом – значит признать право города на автономное существование, отдать дань уважения этой мирной и заслуживающей внимания части жизни. Люди – это не машины и не роботы, им нужен дом. Их дом – это и есть закрытый город. Он сам по себе заслуживает того, чтобы о нем рассказывали отдельно.

Ответ на вопрос «как и почему появились закрытые города?» мы уже знаем из предыдущей главы. Изначально государство не планировало строить и развивать закрытые города, это получилось само собой, спонтанно. Основным продуктом этого процесса было производство оружейного плутония. Планировали создавать плутоний и ядерные бомбы, нечаянно сделали города, плана не было. Вернее, план все-таки какой-никакой был. План постройки реактора. Люди на этом плане были рабочими единицами, приложениями к атомному объекту. Никак нельзя назвать рабочий поселок, планируемый по принципу «ну надо же им где-то жить» на две с половиной тысячи подневольных «вольнораемных» планом по строительству города. Можно смело утверждать, что города явились всего лишь «побочным продуктом» (терминология атомщиков) секретного создания атомного оружия в СССР.

Как же это происходило? Обратимся к истории и документам. В одном из своих докладов Сталину (В. Кузнецов, «Ядерное наследие») Игорь Курчатов (физик, один из вдохновителей и научных руководителей атомного проекта, автор самой удачной идеи реактора, культовая фигура для атомщиков) пишет о том, что они (Специальный комитет атомного проекта и институт № 11) уже «набросали» генеральный план будущего предприятия «котел – уран графит» (это, кстати, еще одно, самое первое название моего будущего города) с рабочим поселком. Курчатов пока не понимает и не может знать, сколько человеческих рук и душ понадобится, чтобы реализовать его идею. Как физик, он думает о людях как об исполнителях его

идеи. На данном этапе это только задумки и идеи из головы атомного гения, ожидающие одобрения генералиссимуса.

Главное – это реактор, а люди как-нибудь приспособятся. Как только получено «добро» сверху, работа закипает.

В 1945 году Государственный союзный проектный институт № 11 (ГСПИ-11) Ленинграда утвержден правительством, естественно, с грифом «совершенно секретно» в качестве генеральной проектной организации для создания и развития атомной промышленности СССР. Институт получает первое задание – официально разработать генеральный план строительства атомного завода и двух рабочих поселков на две с половиной тысячи жителей. Под жителями будущих поселков, разумеется, подразумевались условно свободные люди, ну то есть те, для кого прибытие на место не было сроком по статье Уголовного кодекса СССР, а добровольно-принудительным направлением на объект. *«Меня завербовали», – так говорила о направлении ехать на строительство первого атомного комбината и поселка моя бабушка. Завербовали – значит предложили в такой форме, что отказаться, не рискуя потерять что-то (партбилет или даже свободу), было нельзя под страхом этих же самых репрессий.* Напомним здесь, что в 1945 году страна по-прежнему живет под игмом регулярных сталинских чисток, на этот раз послевоенных, а количество осужденных по самым разным поводам снова возрастает. ГУ-ЛАГи, источники бесплатной рабочей силы СССР, снова заполняются. Такая тенденция будет сохраняться вплоть до смерти Сталина и падения Берии.

Для меня до сих пор остается загадкой, как с помощью всего двух с половиной тысяч жителей авторы первого проекта собирались освоить такое гигантское количество работ, как создание на пустом месте в лесу с нуля реактора, строительство затем химико-металлургического завода и обеспечение всего этого хозяйства всем необходимым. Вырубить лес, вырыть котлован (техника примитивная – лопаты!), уложить под землей железобетонные конструкции и снова засыпать все землей. Опасность неучитываемой радиоактивности первых работ, огромное количество жидких отходов, сливаемых в природные водоемы, смертельные дозы.

Рискну предположить, что людьми, в терминах того времени, считались только вольнонаемные, а заключенные лагерей людьми не считались. Они были ЗК – эки. Государство, видимо, рассчитывало и дальше пополнять число рабочих рук за счет вновь прибывающих в ГУЛАГ, а для них, как известно, никаких особых поселков строить было не надо, достаточно было лагерных бараков, возводимых силами самих же заключенных довольно быстро. Ну и, конечно, физики-теоретики, дизайнеры плутония и производства не могли предвидеть, что процесс создания плутония в промышленных масштабах будет насколько опасный и смертельный, что потребует жизни гораздо большего количества людей, чем двух с половиной тысяч. Сегодня мы знаем, что на первенце атомной промышленности – комбинате «Маяк» работало за все годы более ста двадцати тысяч человек, а только в для ликвидации последствий ядерной аварии 1957 года (поговорим о ней позже) атомному ведомству понадобилось более тридцати тысяч человек. Сравните это с планируемыми двумя с половиной тысячами 1945 года.

Ленинградский ГСПИ-11 получил полномочия, спланировал заданное, и работа на месте первой площадки началась. По воспоминаниям первостроителей, сначала никакого плана не было, процесс строительства шел довольно хаотично, люди жили в бараках и деревянных общежитиях, устанавливаемых на скорую руку, никаких особых изысканий, кроме как коттеджей для начальства, не было. Когда стало ясно, что поселения расширяются, семьи неожиданно создаются и рождаются дети, появились и более серьезные архитектурные планы.

Для нужд атомной промышленности по созданию бомбы, кроме первой площадки для реактора Курчатова в Челябинской области, понадобились и другие заводы. Но где же их размещать? В одном месте или все-таки в разных? На этом этапе яйца в корзине – то есть циклы производства атомной бомбы – решено было разделить. Если бы по какой-то причине враги смогли обнаружить и совершить свою диверсию на одном предприятии и даже, не дай бог, вывести его из строя или уничтожить, это был бы всего лишь один из этапов, который мог бы быть восстановлен в кратчайшие сроки. Разные ступеньки ядерного цикла было решено раскидать по всей стране в направлении Сибири. Решением ПГУ выбирались новые места, появлялись новые площадки в других концах страны, вместе с ними там появлялись новые люди, а значит, им нужны были снова рабочие поселки при заводах.

Всего за тринадцать лет проектировщикам и атомщикам удалось разместить, организовать и наладить разработку и производство на десяти секретных площадках. Эти десять площадок и стали колыбелью атомных закрытых городов. С датой рождения, правда, не у всех у них все просто. Некоторые из них начали свою жизнь с пустого места в лесу, кое-кто с бывшего поселка, а один даже с древнего монастыря. Но мы ведь уже знаем, что города никто не планировал, а все документы, даты, цифры были секретными. Плюс атомщики всегда считали город придатком к производству, своеобразным бастардом, незаконнорожденным. Родился, раз уже так – хорошо, пусть живет, но пусть не забывает о своем «побочном» происхождении. Именно поэтому в большинстве случаев днем рождения города является либо день приказа о создании атомного предприятия (или строительного, зависит от обстоятельств), либо дата выпуска первой продукции. Мы говорим «завод» – подразумеваем город, мы говорим «город» – подразумеваем завод.

Давайте мы здесь их всех перечислим. Для этого расположим в календарном порядке наших десять атомных братьев-близнецов по дате их рождения. Автор книги думает, что города уже давно по значимости переросли своего родителя. Но атомный «родитель» так не считает, ему по-прежнему хочется, чтобы закрытый город «знал свое место».

1. 9 ноября 1945 года. Озерск, Челябинская область (База 10, Челябинск-40, Челябинск-65). Рождение первенца в семье ЗАТО – моего родного города. Поскольку новорожденный появился довольно неожиданно для его создателей, то никто, естественно, и не подумал специально и сразу о «дне рождения». День основания города определяли через десять лет позже специальным решением исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся от 14 ноября 1955 года № 272, этим днем стала дата накануне приказа Челябинского металлургстроя НКВД СССР (вот он, товарищ Берия) от 10 ноября 1945 года, когда была создана первая организация – строительное подразделение, производящее все работы. Я вам уже рассказывала, сколько разных названий с целью сохранения секретности город поменял до того, как получить свое нынешнее имя. Почти как герой фильма «Москва слезам не верит». Он же Юра, он Жора, он же Георгий Иванович. Однако почти никто из жителей города не знает этой даты, а день города отмечается 19 июня. Происходит это не только потому, что летом приятнее отмечать праздники на Урале, а совершенно по другой причине. В этот день в 1948 году был выведен на полную мощность первый промышленный реактор «А» атомного предприятия. Атомщики любовного окрестили его Аннушкой, из соображений секретности, конечно. Город же получил название свое последующее романтическое название Озерск от несметного количества озер, его окружающих. Депутат 1937 года года, товарищ Завенягин, явно любил природу, скажу я вам, мои уважаемые читатели. Город всегда и на всех производит самое хорошее и уютное впечатление. Зеленый, компактный, удобный (исключение март и апрель, когда сходит снег). В остальное время ни за что не скажешь ничего плохого, если не знаешь, ЧТО находится за соседним лесом или на другом берегу живописнейшего озера.

2. 29 декабря 1945 года. Новоуральск, Свердловская область («Отделение № 2», «База № 5», «Стройка № 865», «Завод № 484», Свердловск-44). На производственной базе

завода № 261 (действовал с 1941 года) началось сооружение газодиффузионного завода «Комбинат № 813», предназначенного для производства высокообогащенного урана. Его запустили на базе предыдущего завода по переплавке лома легких металлов. Этот завод строился в годы войны, но так не был запущен, а в 1944 году он был переквалифицирован в завод по выпуску шасси для самолетов, и объединен с **Березовским заводом**. Атомные руководители – романтики Завенягин, Ванников и Борисов в своем письме от 12 ноября 1945 года на имя Лаврентия Берии, убеждая его в своем выборе площадки, написали: *«Верхне-Нейвинский – здоровое, живописное место, удобное для расселения квалифицированных кадров, в то же время достаточно глухое для размещения завода специального назначения»*. 17 марта 1954 года (помните, секретное Постановление Верховного Совета о переименовании рабочих поселков?) считается официальной датой основания города. С середины 1990-х – «народные гулянья» по случаю дня рождения города на протяжении примерно полутора десятилетий устраивались именно 17 марта, по дате присвоения в 1954 году населенному пункту при разделительном заводе изотопов урана городского статуса. Однако на Урале «пришел марток, надевай семь порток» – это время не до гулянок, брррр, холодно. Опять же проводы зимы отмечают! Поэтому празднование дня рождения города решили отмечать в теплое время года, заодно с другим праздником – днем Труда комбината, так он называется, но ко дню рождения комбината он тоже не имеет никакого отношения. Праздник же Труда, пришедший в эту запретку еще во времена СССР (уже мало кто помнит почему именно в этот день), новоуральцы отмечают в первую субботу июля. Кстати, с датой рождения самого комбината тоже не все просто. День же рождения комбината официально считается не с декабря 1945 года, когда началось сооружение газодиффузионного завода «Комбинат № 813», и даже не от дня в декабре 1948 года, когда завод был введен в эксплуатацию. Днем рождения УЭХК официально признано считать 11 ноября 1949 года, когда на разделительном каскаде комбината № 813, наконец, была получена первая 341-граммовая партия урана-235 оружейной концентрации. В общем, как видите, в закрытых городах и с датами рождения тоже все непросто.

3. 9 апреля 1946 года. Саров, Нижегородская область (КБ-11, Объект-550, База-112, Москва Центр-300, Кремлев, Арзамас-16.) В этот день принимается закрытое постановление СМ СССР о создании КБ-11 (конструкторского бюро), целью которого является создание ядерного оружия. Для его (бюро) размещения выбирается территория бывшей колонии НКВД. Она, в свою очередь, расположена на землях и в помещении бывшего монастыря, ведущего свое начало с XVII века, рядом с поселком Саров. Намоленное святым Серафимом Саровским место, имеет в своей исторической копилке событий даже визит царской семьи Николая II в начале XX века. Естественно, почти все святые места и строения разрушены в годы процветания советской власти или же видоизменены до неузнаваемости. Удастся спасти только колокольню, она по своему строению подходит под функции... водокачки. Первые специалисты конструкторского бюро живут в кельях монахов. В 1946 году на стройку прибывает десять тысяч заключенных, а поселок Саров на десятилетия исчезает с карт области. 9 апреля считается днем рождения атомного градообразующего предприятия в городе – РФЯЦ ВНИИТФ (бывшее КБ-11). Однако здесь, в отличие от большинства остальных атомных городов, день города официально отмечается 16 июня. Именно в эту дату, 16 июня 1706 года, был освящен первый храм известной в России Саровской обители.

4. 6 июня 1947 года. Лесной, Свердловская область (База 9, Поселок Горный, Свердловск-45. Постановление Совета Министров от 6 июня 1947 № 161 о строительстве завода и рабочего поселка). Первоначальное секретное название объекта (а не города!) «База-9», расположение – северо-западнее поселка Нижняя Тура (на сегодняшний день является городом и прилегает непосредственно к территории ЗАТО, даже с КПП). 19 июня 1947 года № 2140–562 выходит постановление о строительстве комбината под номером 814. Строительство поселка (соцгородка) ведется параллельно. В 1954 году секретным Постановлением

Верховного совета получен статус города областного подчинения. Современное название город получает вместе с остальными в 1994 году. Границы окончательно сформированы в 1996. С 2019 года было принято решение отмечать День города в один день с Днем комбината середине июня. Эта дата часто совпадает и с Днем России. Прекрасная, кстати, инициатива по экономии бюджетов разных уровней!

5. 26 марта 1949 года. Северск, Томская область (поселок Чекист, Почтовый ящик № 5, Березки, Томск-7) В этот день Совет Министров СССР принял Постановление № 1252-443 о создании вблизи города Томска комбината по производству высокообогащенного урана-235 и плутония-239. Новый промышленный комплекс первоначально назывался «Зауральская контора Главпромстроя», или Комбинат № 816.) Географическое место, на котором будет располагаться будущий завод и город, было выбрано на месте коммуны «Чекист» (областной Томск особенно печально известен репрессиями чекистов в годы Сталина), созданной еще в 1933 году. Именно в «Чекисте» и жили первостроители завода. Поблизости были также расположены деревни Белобородово (прекратила существование) и Иглаково (Иглаковская лесная дача), ставшая районом города. Свое современное название и статус города получили секретно также в 1954, а открытое, вместе со всеми – в 1994. Современные границы города сформированы в 1997 году. День рождения города отмечается в последнюю субботу июня вместе с Днем молодежи. Является самым крупным закрытым городом системы Росатома из десяти по численности населения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.